

18+

Елена Александровна Асеева

Грань

Елена Александровна Асеева

Грань

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30478849

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0711-3

Аннотация

К окончательно спившемуся Витьку, потерявшему семью, родных и совесть, приходят некошны. Луканька и Шайтан – так зовут эту нечисть – начинают изводить и мучить упившегося Витьку, доводя его до безумия. И уже непонятно – это просто алкогольный делирий или же и впрямь Витюху посетили черти-некошны. И только воспоминания о родных, давно почивших матери, бабушке и дедушке, ещё как-то удерживают на грани жизни Виктора Сергеевича.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

*Мы живем в этом облаке.
Мы пропитаны им,
и не требуем большего,
и дышать не хотим.
(«Ядовитое». В.Сквер)*

Глава первая

Виктор пил которую неделю...

Вернее, если быть точным, который месяц, который год...

Вот... вот который год.

Он пил горькую уже пятый год. И пил не просто иногда... по стопочке, на праздниках или после работы. Он ее ПИЛ... пил ежедневно, в неумеренных количествах, и она, эта горькая напасть, полностью вытеснила своими градусами его семью, работу, праздники и саму как таковую жизнь.

Он ПИЛ... ПИЛ... ПИЛ...

В самом начале этого кривого пути, на каковой Виктор ступил, горькую он пробовал понемножку... так чуть-чуть... после работы, тяжелого трудового дня, для аппетита. Ух! Хорошо выпить стопочку прозрачной, холодненькой водочки под горячий, багрового цвета, борщичок сдобренный свеклой и помидорками, чтобы значит успокоить расшалившиеся нервишки и получить удовольствие от еды!

Да, поначалу это была всего лишь одна стопочка вечером и то не всегда, она была проглочена перед едой... всего лишь одна стопочка... Маленькая такая, в кою вмещалось не более семидесяти грамм... одна стопочка. Но потом, как-то так незаметно к этой одной стопочке прибавилась вторая... затем третья. Три стопочки, не туда не сюда, чего мелочиться... И вот уже это не стопочки, а граненный стакан... и не

всегда перед едой... иногда перед работой... после работы... И этот граненный стакан, совсем незаметно, заслони́л своим булькающим нутром и трудовые будни, и удовольствие от багрового борща. Вскоре он выместил и сам борщ и ту которая этот борщ готовила.

Виктор Сергеевич, как его величали последние лет шесть на заводе, за тягой к спиртному потерял так и не поняв когда, ее – жену Ларочку, и его – сына Витальку... Потерял он семью, потерял работу...

Но даже после этого не пожелал остановиться... прекратить свое физическое и духовное разложение, не пожелал махом мужской руки и мужской воли бросить пить.

Ведь всё и вся, так казалось Виктору, настойчиво подталкивали его к той кривенькой, уводящей в никуда, виляющей из стороны в сторону тропочке... Всё и вся не понимали его душевных страданий и ополчившись на него перестали его уважать, почтительно называть Виктор Сергеевич, любимый и дорогой, начав бросать в его сторону раздражающие эпитеты – больной и алкоголик.

Пил...ну, да пил! И что теперь! А кто не пьет?! А то, что Ларка ушла... то, что Евгений Петрович уволил с завода, так в том его Виктора Сергеевича вины никогда и не было... Не было!

Он всегда честно трудился на благо завода, он всегда приносил деньги в семью, он всегда исправно перекапывал землю в огороде, рубил и колол дрова, носил воду в дом...

А пить начал... пить начал от безысходности, от тягот жизненных и душевной не удовлетворенности. Ведь на заводе платили мало, и частенько, те крохи, что зовутся зарплатой выдавали с задержкой, Ларка еще чаще говорила, что надобно искать другую работу, на которой будут платить больше... а искать ее не хотелось, не могло... Виктор Сергеевич уже вроде как и врос в этот завод, цех, коллектив, ведь вернувшись с армии, сразу пошел к станку и начал свою трудовую деятельность, а потому уход с этой работы страшил... пугал его и заставлял пить... Ларка поначалу лишь уговаривала сменить работу, да подливала борщичка в тарелку, чтобы дорогой муж не пьянел... но чем чаще она уговаривала, чем чаще слышал в ее словах разумность Виктор тем точно из страха или на зло ее женской мудрости прикладывался к стопочке... к стаканчику... и еще раз к стаканчику.

Когда Лара осознала происходящее с мужем, она изменила тактику... оставив разговоры о смене работе, убрав из дома всякое спиртное... и запретив мужу выпивать. Однако Виктор уже не мог без водочки, он припрятывал от жены деньги, и на утаенное, точно уворованное от самых близких и дорогих, покупал бутылочку, хоронил ее в сенцах дома, в уголке прямо за газовым баллоном.

Приходя вечером домой Виктор думал лишь об этой спасительной жидкости притаившейся в углу сенцов, выпивая которую он снимал махом всякую тревогу, обиду... злость на этот мир... на непонимающую его жену и вечно шкодив-

шего сына... Весь вечер он томился, ожидая когда семья его уснет и он сможет тихонько отворив дверь в сенцы подкрасться к этой холодной, горьковатой на вкус и такой сладко-согревающей душу и тело жидкости. Он мечтал обхватить прохладную, стеклянную бутылочку ладонями, и дрожащими пальцами спешно открутить красную, тонкую, металлическую пробку, да, поднеся к плямкающим сухостью губам край стеклянной радости опрокинуть эту выручающую, улучшающую жизнь жидкую горечь вовнутрь себя. И тотчас ощутить чуть покалывающее, пощипливающее состояние рта: языка и неба, какой-то миг подержав там, такую страстно-желаемую водочку, а после отправив ее вглубь своего истосковавшегося желудка и в ту же секунду получить, будто от любимого занятия или хобби, заряд бодрости и хорошего настроения.

Но со временем желание выпить полностью завладело Виктором, и тогда он перестал таиться. Приходя нетрезвым с работы, он требовал положенного ему – стакана... два... бутылку...

Лара боролась... боролась... и поначалу... и потом, но когда Виктора Сергеевича выгнали за прогулы и пьянство с работы, и он стал пропадать где-то в гаражах, стал вытаскивать у нее деньги с кошелька, стал выносить и продавать с таким трудом и радостью купленные вещи... Когда за очередную столь необходимую порцию радости поднял руку на нее... сына... не выдержала и собрав свои жалкие вещички и оде-

жонку ушла.

Она ушла и увела сына...

Теперь Виктору... или Витьку, Витьке, Витюхе, как его стали звать собутыльники и неизвестно откуда и когда появившаяся сожительница Натаха, было привольно жить... Никто не мешал ему получать радость от горькой, никто не учил, как надо жить и не пытался излечить. Своим скверным поведением, вечно пьяного человека, он разорвал все связи не только с женой и сыном, но и с родственниками... близкими... своими родителями... семьей брата.

И Витька пил... пил... только теперь не водку... не всегда самогон, чаще какую-то бурду, которую доставала Натаха и друганы, приходившие к нему в дом, чтобы выпить, посидеть и отоспавшись расползтись в поисках очередной порции горькой дряни.

Такая смрадная, проходящая в каком-то мутном, белесом тумане, жизнь Витька продолжалась вот уже несколько лет.

Дом, который достался Виктору от бабушки и дедушки, от бесконечного пьянства хозяина и сам точно охмелел, и теперь все время находился под градусом. Он покачивал из стороны в сторону свернутыми на бок старыми ставнями, громко бухая ими о кирпичные стены, скрипел окривевшей, деревянной, входной дверью, каковую несколько раз уже кто-то выбивал, а после вставлял обратно, и теперь через небольшие щели, что образовались вследствие не умелой установки в дом проникал холод приносимый ветром, пыль,

а иногда и проскальзывающая со двора пожухлая листва.

Из дома Витька и Натаха вынесли все лишнее, оставив лишь необходимое: холодильник, стол, несколько табуретов и широкий диван, который имел когда-то ярко-красный цвет, а сейчас полностью сменил окрас на коричневый, приправленный круглыми сыро-синими пятнами.

Одна большая, прямоугольная комната, в которой он находился, прислонившись своим боком к правой стене, несла в себе последствия страшнейшего бесправия и разрушения. Обои кои когда-то были любовно выбраны и поклеены Ларой, бледно-кремовое полотно, оных живописно украшали светло-рыжеватые цветы отдаленно напоминающими розы, теперь полностью изменили свой внешний вид. Пропал не только кремовый цвет самого полотна поглощенный грязноватой серостью и синевой плесени, исчезли и сами рыжеватые цветы, и теперь на их месте проглядывали лишь огромные, желтые пятна или темно-бурые полосы. Кое-где верхнего слоя обоев и вовсе не имелось, верно, они были сорваны чьей-то пьяной, дебоширской рукой и брошены вниз, или сгорели в жерле печи, как единственный источник розжига. В комнате отделенной от кухни задней стеной печи и фанерной перегородкой, вход в которую когда-то заслоняла плотная, непрозрачная гардина бежевого цвета пошитая из полиэстера, тоже проданная за ненадобностью, было два небольших окна с двойными рамами, одна из которых, называемая внутренней рамой, вынималась в весенне-летний

период... Но теперь на этих окнах, находящихся, как раз напротив входа в комнату и перегородки, внутренние рамы отсутствовали и в осенне-зимний период. Стекла в них были разбиты кем-то в пьяных разборках, и опустевшие деревянные рамы, хозяйственная Натаха за не надобностью сожгла в печи, чтобы значит... обогреться. А поэтому в комнате, даже когда ее топили (что случалось не очень часто) стояла бодрящая температура, и углы от этого свежего, холодного воздуха и негромкого свиста ветра проникающего сквозь окна, приобрели черноватую синеву, в этих местах от кирпичных, поштукатуренных стен обои отошли и похабно так пузырились, изображая переполненные экскрементами штаны упившегося алкоголика. На полу в комнате лежал линолеум, точно также как и обои поменявший и цвет, и рисунок... а сверху на нем толстым слоем лежала грязь, принесенная с улицы и образованная отходами жизнедеятельности, питания и свинской жизни Витька. Линолеум за последние лет пять ни разу не был вымыт, и, хотя иногда с него выметалась труха от опилок и кусков угля... но как первое, так и второе настолько глубоко в него въелось, что создавало одно единое темно-коричневое ковровое покрытие.

Особенно густота и чернота этого ковра выделялась в кухне, куда вел дверной проем из комнаты. И где в небольшой, прямоугольной комнатке, размером три на четыре, находилась восьмидесяти сантиметровая, в высоту, и метровая, в длину, печь с прямоугольным, кирпичным коробом и лежа-

щей на нем, чугунной плитой с двумя трехконтурными конфорками, да широкой трубой устремляющейся сквозь потолок и крышу дома, вверх к звездам. В кухне, как необходимый предмет интерьера, еще жил старый, прямоугольный, большой стол, доставшийся Витюхе, от бабки и какое-то количество самодельных, дубовых и очень массивных табуретов. Вот под этим столом с округлыми резными ножками, и возле печи, плотным слоем лежали деревянные опилки, мельчайшая пылевидная труха, останки угля, куски веревок, рваные части пакетов, тряпок, окурки, негодные пробки и конечно десятка два пустых бутылок, охраняющих, с одного бока, подступы к печке, с отбитыми горлышками да большими трещинами по поверхности своих брюховатых тел. Они стояли возле кирпичной, обмазанной глиной печи, которая уже давно потеряла побелку, потеряла и местами слой глины и теперь показывала свои красные внутренности. Бутылки же, словно раненные в войне... покалеченные снарядами или пулей и не смеющие более вступить в очередной бой или схватку с врагом, согревали свои жалкие тела подле хранящих тепло и жизнь кирпичей, верно стараясь хоть как-то отогреться в редко отапливаемом доме. В кухне, также как и в комнате, напротив фанерной перегородки находилось два окна с двумя рамами, каковые, несмотря на тяготы жизни, сумели сохранить и стекла, и вторые рамы, правда никогда не вынимаемые... В связи с тем, что в доме на окнах не имелось ни занавесок, ни штор, ни гардин, потому как они были

пропиты, в кухне между внутренней и внешней рамой для красоты... или от чужих, заглядывающих, любопытных глаз, были поставлены стоймя желтые, с выцветшими рисунками, газеты, сдобренные мелкими, черными какушками насекомых.

Справа от окон или слева от фанерной перегородки, как раз напротив печи, в еще одной стене находилась деревянная дверь в сенцы... Она крепилась на скрипучих петлях и как все в доме выглядела ужасно грязной, никогда не мытой, не крашенной и плохо прикрывающей вход в комнату... А в маленьких сенцах, темных, без окошечка и с одиноко свисающей с потолка лампочкой теперь стоял не менее одинокий, покосившийся на бок, кривой, побитый донельзя и ржавый холодильник. Кажется... «Атлас», правда самого логотипа уже там и не значилось, висели лишь две буквы А и А... а все остальные буквы были кем-то сбиты или оторваны, и поэтому сказать полное имя холодильника не представлялось возможным. Чему холодильник был нескончаемо рад, потому как опасаясь быть вновь побитым, он включался очень редко, и каждый раз, когда выходил на связь, тяжело вздрагивал всем своим металлическим корпусом и протяжно звенел внутренностями. «Атлас» или «А..А» не желал обращать на себя внимание еще и, потому что внутри него уже давно ничего не хранилось, изредка там, правда, появлялись какие-то начатые или недоеденные остатки пищи, вечно хоронящиеся в железных банках. Попадая в глубины хо-

лодильника эти остатки постепенно серели, синели, чернели, и, несмотря на старание «Атласа» выработать благоприятную для хранения пищи температуру, через какой-то срок начинали не выносимо пахнуть, а вернее дурманно вонять...

Впрочем в доме Виктора Сергеевича, Виктора, а теперь Витька, Витюхи воняло все... и воняло это все, перемешанными в один запах, ароматами: кислой мочи, блевотины, сгнившей еды(вываленной прямо в угол), сырости, плесени и уксусно-резким запахом нечистого тела самого хозяина дома... Теперь в его доме, некогда любовно, созидаемом руками деда и бабки, трепетно оберегаемом руками Лары, все было разрушено, предано запустению и грязи... Дом нынче оберегали вельможные стеклянные ратники-бутылки, его любили, такая редкость для частного дома, узкотелые с рыжеватой окраской и длинными усами тараканы-прусакки, а чистоту здесь наводили серые пронырливые мыши и пузатые, вечно ждущие потомства крысы.

А Витька уже не берег... не любил... не охранял свой дом... он только пил... пил... пил, предпочитая это дело всякому другому. Последние же две недели он пил безостановочно, у него, как говорится, был запой... и пил то он в основном какую-то дрянь... ни водку... ни самогон... а именно дрянь в небольших пол-литровых пластиковых бутылках. Закусывать ему вроде, как было и не чем... правда Натаха приперла откуда-то картохи в белом пакете, с ведро не меньше, которую она нечищенной и даже не помытой сварила в помя-

той с одного бока, покрытой черной копотью алюминиевой кастрюле. Эту разнесчастную, выжившую в таких страшных жизненных передрыгах, кастрюлю ставили прямо на печку, отодвигая в сторону конфорки, отчего дно ее приобретало еще более грязный, не отмываемый вид.

Дрова, на которых варилась картошка, Натаха раздобыла где-то и также принесла с собой, но в связи с малочисленностью деревянного воинства, картоха до готовности не успела дойти и была поставлена на стол в не доваренном виде. Хотя для Витька и такой полусырой, не чищенный закус был невероятно приятен и кричаще соблазнителен!

Да, и не мудрено, что полусырая картошка могла вызвать в Витюхе такие эмоции, ведь если глянуть на него со стороны, то и невозможно было в нем разглядеть черты человека... Это уже был не человек, а нечто неопределенно опухшее, отекшее, красновато-синего оттенка. Его можно было назвать неопределенным титулом – существо, которому по рангу положено иметь лишь средний род... ни мужской... ни женский, а именно средний... проще говоря – Оно... существо.

От его каштановых волос осталось лишь название шатен не более того, цвет их до неузнаваемости изменился и приобрел грязно-коричневый отблеск, теперь это были не жидкие волосенки, а больше походящие на склеенные в плотные пучки, червеобразные лохмотья. На распухшем от питания спиртного лице, кожа коего была покрыта здоровенны-

ми щедринками и оспинками, словно оставленными болезнью, находился с прямой спинкой и округлым кончиком нос, изменивший не только цвет, но и форму. Он будто растекся по лицу став одутловато-широким и приобрел багровый с едва заметной просинью цвет. Обвисшие по краю лица щеки теперь больше походили на мешки набитые орехами. Узкие губы Витька превратились в тонкие синеватые полосы, и когда он улыбался, радуясь очередной порции спиртного, на его верхней губе выше огибающей ее каймы, прямо подле низкой, короткой, подносовой ямки залегали глубокие и многочисленные вертикальные морщинки. Слегка выступающие вперед из глазниц очи Витька, теперь все время выглядели сонными и часто невпопад смыкались веками, удерживающими на себе редкие белесоватые и почти выпавшие ресницы. Точно такими же блеклыми и ущербными были прямые, прерывающиеся, в середине своего пути, брови, и коричневатые, жидкие усы и еще более худосочная бороденка. За время своего пьянства Виктор вроде даже уменьшился в росте, без сомнения похудел, отощал и ослаб, и выглядел теперь как доходяга только, что вырвавшийся из концлагеря, но ко всему прочему он еще и укоротился. Наверно потому как стал сутулиться, и приподняв высоко плечи, втянув в них голову, проглотив и без того короткую шею, выгибал спину дугой, отчего там образовывался небольшой горб, и свесив вниз руки, тяжело и скованно ими помахивал, словно страшась, что они могут у него оторваться, или мо-

жет плохо их чувствуя на своих плечах. И тело, и руки, и ноги, и даже лицо, включая его тонкие губы от чрезмерного употребления горячительных напитков теперь частенько безостановочно тряслись такой мелкой, похожей на лихорадочный озноб, дрожью.

Одетый во все грязное, а именно в старые, черные брюки и серый свитер с круглым воротом и витиеватым, много лепестковым рисунком на груди да старые, стоптанные, без каблучков с шлепающе-оторванной подошвой, не смыкающимися замками, ботинки (все давно не стиранное, и раздобытое Натахой где-то на мусорке, куда она частенько наведывалась, чтобы прибрахлиться) он пах и выглядел ужасно... и если быть точным вонюче-отталкивающими были: и он сам, и его вещи, и его сожительница, и его дом.

Витька пил... пил... пил без продыха, без отдыха, который день, месяц, год в своем несчастном разоренном жилище, пропив и жену, и сына, и родню, и работу, и одежду, и наверно свои мозги.

Вот...вот... те самые мозги... каковые каждому из нас, обладающему тленной плотью и духовной сущностью, помогают жить на этом свете, решать насущные проблемы и преодолевать возникающие трудности.

Глава вторая

Сегодня же Витек с таким удовольствием устроился за столом, прямо на углу его, притулившись спиной к печи, которая совсем недавно была протоплена и хранила в своих недрах жар жизни... решив насладиться посланной ему в радость выпивкой и закусочкой.

Однако радость его существования прервал голос... это был один голос... и он появился неожиданно... как говорится вдруг...

Витек сидел за столом на табурете, как раз напротив него поместилась Натаха и его друган... как его зовут?.. То ли Серега, то ли Антоха... словом это не важно...

Они пили какую-то бурду, находящуюся в пластиковой бутылке и на этикетке коей Витек еще смог прочесть надпись: « Жидкость – предназначена для очистки и анти... сеп...сеп...тической (это слово далось с трудом) обработки кожи рук».

Как хозяин дома, Витька выпил из горла первым, очень горячительную, хотя и мало приятную на запах и вкус химическую продукцию и поставив бутылку на стол, протянул руку к кастрюле, установленной на его середине, за картохой, да в этот момент и услышал голос... Вернее поначалу это был лишь тонкий мышинный писк... такой– пи...пи...пи..

Витек услышав этот писк, так и замер с протянутой ру-

кой... подумав что это по печи, похищая ее жизненные силы и столь ценное в данной местности тепло, бегают мыши. И тотчас оглянувшись, чтобы прогнать этих противных похитителей тепла и всего того, что где-то залежалось, Витюха оглядел поверхность коричневатой, чугунной плиты на которой стояло лишь покрытое полосами, пятнами грязи и копти оцинкованное ведро. Дом Витька был старый и в него так и не провели воду, канализацию и газ... Все радости жизни находились во дворе, и оттуда приходилось качая колонку носить воду и туда приходилось выносить помои. Туалет, как можно понять, был также на дворе, впрочем, как и маленькая банька, к несчастью сгоревшая два года назад почти до фундамента и летний душ, еще дающий тонкими струйками из установленного на его крыше бачка, воду.

И так Витек оглядел хорошо печку, каким-то немного покачивающимся взглядом, и, не заметив серого прихвостня, вернул положение головы в исходное состояние, глянув на Натаху, она допила остатки « Жидкости», и, поморщившись, швырнула бутылку под стол, да громко икнула. Это была уже совсем высохшая от пьянства, с красновато-свиной кожей лица, женщина, неопределенного возраста. Натаха имела такие же как и у Витька распухшие черты лица, и также как и он странно горбатилась, кукожилась и дрожала, будто все время мерзла... Когда в его жизни появилась эта женщина Виктор не знал, как и не знал он ее фамилии, ее семьи и вообще куда она частенько пропадала, всякий раз

возвращаясь вновь и принося с собой живительную спирто-содержащую микстуру. Натаха была одета в старые, порванные одежды с той же мусорки, что и ее сожитель, и эта грязноватая коричнева, обволакивающая ее тело довольно эффективно гармонировала с ее грязно-рыжими, взлашмоченными, длинными волосами, скрученными на затылке в кудлатый хвост.

Натаха все время тулилась к другану Сереге... или Антиохе, такому же замызганному, с опухшей рожей алкашу-бродяге, в народе прозванному бомжом, коему по жизненному статусу негде было жить, спать и есть, и он на правах третьего иногда посещал дом Витюхи принося с собой, ту самую с большой буквы написанную, «Жидкость». Наступившие на улице заморозки, холодные осенние дожди, перемешанные с первым снегом, понижение температуры пригнало этого другана в дом к Виктору. Сам-то этот Серега или Антоха выглядел совсем уж серо, без признаков жизни на лице, с темно-синеватой кожей, расплывшимися чертами лица, замызганными русыми волосами и бородой, и громко харкающим, растянутым ртом, постоянно выплевывающим зеленую массу слюней и соплей прямо на пол

Итак Витек оглядел Натаху, перевел взгляд на другана и увидев его в каком-то блекло-растянутом состоянии, словно сквозь густые туманные испарения, снова услышал голос, прямо внутри своей головы, только теперь не писк, а четко и внятно произнесенные слова... Чей-то голос, пронзитель-

ный и резкий громко сказал, почти выкрикнув: «До каких же пор ты – Виктор Сергеевич будешь пить? До каких... до каких... до каких...»

Голос на миг замолчал, и, понизив тембр принялся повторять одну и ту же фразу «до каких».

Витька покачал головой прогоняя таким образом этот назойливый лепет, но так как это не помогло и голос продолжал монотонно повторять: «до каких...», обхватил руками свою голову, крепко впившись грязно-серыми ногтями в волосы и несильно потряс себя, желая возможно вытрясти эту заевшую фразу из уха, а вместе с фразой и самого обладателя голоса.

Только не голос, не его обладатель не хотели сдавать захваченные позиции внутри, пропившей мозги, башки Витька. Да вместо того, чтобы испугавшись, такой встряски, затихнуть, голос лишь громко взвизгнул и с еще большим упорством повторил: «Виктор Сергеевич до каких пор будешь пить?» А после он охнул так, что мигом в мозгу, что-то звякнуло, и продолжил: «Ты сволочь такая... гад плешивый... все ведь... все пропил. Погляди в чем ходишь, что ешь. И чего тебе чахлик вонючий не хватало? Жена была, сын был, отец и мать были, брат был... Был... Был... Да сплыл».

И голос негромко, с произвольной расстановкой и растяжкой, затянул: «Сплыл...Сплыл...Сплыл... И дом сплыл...и мозг сплыл!»

И в тот же миг хор детских высоких голосов подхватил это слово, и, то повышая звучание, то понижая, пропел: «Сплыл...сплыл...Мозг твой сплыл!...»

– А...а...а! – исторг из себя Витек и вскочив с табурета, наклонил голову направо так, чтобы, непременно, вытряхнуть поющие голоса через правое ухо, и принялся дубасить себя ладонью по левому уху, одновременно с этим подпрыгивая или пританцовывая на месте.

И сейчас же голоса в голове смолкли, наверно потому что Виктору все же удалось их вытряхнуть через круглую ушную щель... И как только внутри головы все нормализовалось и покрылось едва заметным туманом, смазывающим понимание жизни, Витька перестал плясать и выпрямился, по привычке втянув в плечи шею и голову да протяжно выдохнул, издав такое длинное, тягучее и довольное – ох...х!

Какие-то доли секунд, а может минут (кто ж разберет в таком состоянии) Витек стоял и покачиваясь думал... Впервые думал за эти годы... и надумал он одну замечательную и четко сформулированную мысль, что пить такую бурду – предназначенную для очистки и анти...сеп...сеп...тической обработки кожи рук, не стоит.

И сей же миг покачнулся, его корпус тела заходил ходуном из стороны в сторону точно маятник на метрономе, и, чтобы остановить это четкое, механически выверенное колыхание, он цепко схватился за край стола так, что не ожидающий такой тяжести на себе стол внезапно подскочил кверху с

той стороны, где сидели Натаха и друган, а алюминиевая, за-
копченная кастрюля, потеряв всякие ориентиры в простран-
стве и устойчивость, поехала на накренившегося стол хозяи-
на намереваясь отдать ему все, что еще не успели схрям-
дить... Однако наклоненную кривизну стола во время при-
метил Серега или Антоха и надавив своей менее исхудалой
сущностью на ближайший к нему край деревянного стра-
дальца вернул его в исходное стоячее состояние.

От этого резкого возвращения стола в привычное поло-
жение Витек испытал страшную тряску в ногах, руках, и во
всем теле. И освободив деревянную поверхность стола от
собственных ладоней немедля гулко и мощно плюхнулся на
хрустнувший табурет, удар об который отозвался в мозгах
его тихим скрежетом и скрипом, а на лбу и кончике носа вы-
ступил холодный крупный пот. В груди же оружейным зал-
пом бахнуло сердце, словно ударившись о грудную клетку,
а потом мгновенно упав куда-то вниз надавив своей массой
на мочевой пузырь, желудок, печень, и почки разом. Виктор
поднял руку, и все еще ощущая легкую рябь в ней, смахнул
со лба капли пота да прогнал черный дымок, внезапно по-
явившийся перед очами. Затем он, протяжно выдохнув, об-
лизал сухие губы, не менее сухим и тягучим языком, издав-
шим неожиданно продолжительный лязг, будто то был не че-
ловечий язык, а старая, ржавая батарея кою тащили волоком
по серому, асфальтному полотну, не удосужившись ничего
под нее подложить.

— Уф... — вырвалось изо рта Витька, и мутноватым взглядом он пристально поглядел на Натаху и дымчатого друга-на, каковые размахивая руками, недовольными голосами обсуждали неправомерные действия хозяина дома, по-видимому, покусившегося на общую, с боем добытую, закуску.

А Виктор уже перевел взгляд с опухшего лица сожительницы, и, приподняв голову, уставился на остатки стеклянной люстры свисающей с потолка, которая когда-то была белая и изображала распутившийся тюльпан с таящейся внутри него лампочкой. Теперь однако от тюльпана остался лишь разбитый и наполовину треснувший остов да лампочка, покрытая слоем пыли и грязи, а потому бледно освещающая кухню, даже в яркий солнечный день... Но сегодня на дворе было пасмурно, и лампочка не справлялась со своими обязанностями, она светила не только тускло, но еще и попеременно, наверно собираясь вскоре и совсем потухнуть, отдать концы, сдохнуть, скочевряться и отправиться в иной мир, то есть на мусорку. В кухне стены и фанерная перегородка были окрашены в желтоватый цвет, но покраску, по понятным причинам, производила еще Лара и это было так давно, что и память об этом истерлась, и сама краска истерлась, а где еще не истерлась так укрылась под толстым слоем копоти, грязи и нечистот, что жили в этом доме. Именно поэтому на темно-серых стенах кухни теперь явственно проглядывали округлые желто-черные пятна, оставленные чем-то жирным, и широкие, длинные полосы оставленные спинами хо-

зьев и друганов. Но за мутноватой дымчатостью, какой был подвержен взгляд Витька, эти не понятные круги и полосы ему не виделись, впрочем, ему также смутно виделись и сами стены, и лампочка, жаждущая умереть.

Посидев какое-то время смирно и тихо, покачиваясь из стороны в сторону, словно ствол дерева в ветреную погоду, и не услышав в голове более никаких посторонних шумов и голосов, Витюха решил обсудить с друганом качество и коли...личество выпитой жидкости... Желая изречь, что-то дюже умное (ему вообще казалось, что последнее время он произносит очень умные вещи) он открыл рот, тяжело шевельнул своим растянутым и плохо слушающимся языком, и уже было начал говорить... Как в мозгах вновь раздался тот пронзительный, резкий и как теперь удалось расслышать дрожащий голос. Только теперь этот голос звучал не один, и не под аккомпанемент детского хора, теперь с ним вступил в диалог другой голос более тихий и низкий, немного бархатисто-мелодичный. И эти два голоса повели меж собой неторопливый разговор, при этом в очень грубой форме обсуждая Виктора Сергеевича.

Сначала сказал тот первый пронзительный голос:

– Нет... ну, вот ты мне скажи, каков этот Витек нахал... Погляди– ка пьет пятый год и думает, что оно ему так все и прокатит... Думает, что не будет за все свои куралесенья отвечать, думает, что сие бесконечное пожирание спиртных напитков никак на нем не отразится, хотя то, что он при-

нимает на грудь трудно назвать напитками, скорее всего им можно дать лишь единственное определение, назвав их порождением химической отрасли не более чем.

– Уж не говори, – подключился тот второй, тихий и низкий, бархатисто-мелодичный, казалось этот голос долетал откуда-то издалека, и чтобы различить его слова Витьку все время надо было концентрировать свое внимание, чего в его спившемся состоянии было делать довольно сложно, а голос меж тем продолжал, – то, что он пьет, я бы если честно и нюхать побоялся... А то, что он отпетый гад, это верно, ведь за все эти годы ни разу ни вспомнил о сыне, о жене... а как подлюка издевался над отцом, матерью... как мерзость, такая опухшая, плевал в лицо брата... Совесть он свою пропил...

– Да, какая совесть, – возмутился первый голос. – Какая совесть... у него наверно совести никогда-то и не было... Эгоист треклятый... Его же с малолетства все любили: Витюшенька, веточка, Витенька.. все перед ним предки его приплясывали, жена в нем души не чаяла... вот он подлюка и оборзел... Жизнь у него видите ли тяжелая, и чтоб ее облегчить он давай к водярочке прикладываться... Глоть... глоть... глоть ее... и доглотался. Погляди на него: дом дедовский в развалины превратил, имущество пропил, жену, сына, родню все... все пропил... А теперь похоже и мозги свои про...пил...пил

И стоило лишь голосу выговорить с растяжкой последнее

слово, как хор детских голосов, подхватил этот речитатив и нараспев протянул: «Мозг...мозг...мозг.. пропил!» – закончили они свое короткое пение и взвизгнули так, что в мозгу у Витька, громко треснуло и хрустнуло, а из очей его выскочили кольца серебристого света. Они выпорхнули в пространство кухни и мгновенно распались на махонькие блистающие искорки, которые зависли перед туманящимся взором Виктора. И вдруг, все разом, взмахнули своими микроскопичными крылышками полупрозрачного цвета, доселе прижимаемые к округлым, на вроде пшеничного зернышка, брюшкам и неспешно ими, помахивая стали кружить перед его глазами.

Витюха еще никогда не видывал таких чудных блошек и какое-то время наблюдал за их плавным полетом, наслаждаясь тишиной наступившей внутри башки, а затем когда ему прискучили эти насекомые он помотал головой, и при этом очень энергично так, что из вечного приоткрытого рта во все стороны разлетелись густые, плотно слепленные, белые слюни похожие на хорошо взбитые сливки, обильно покрывающие верхний слой торта. Витек даже взмахнул правой рукой, намереваясь прогнать этих назойливых блошек или на худой конец, поймать пару штук и уж если не проглотить, чтобы унять ревущий от голода или выпитой «Жидкости» желудок, то хотя бы разглядеть этих вылетевших прямо из собственных очей светящихся насекомых. Виктор махнул рукой раз, другой, третий... его трясущиеся пальцы про-

шлись вдоль носа, едва задев распухший синеватый кончик, и запутались в ворохе патлатых волос, кои от сотрясания головы свесились на лицо, укрыв своими жидкими и грязными нитями щеки и нос. Выпутав из волос свои пальцы и закинув патлатые нити на прежнее место, он еще раз взмахнул, вдоль лица, ладонью, но теперь с одной единственной целью... изгнать этих непринятнейших созданий продолжающих мельтешить и явно веселиться перед его туманящимся взором. И сейчас же маненькие блошки решили покинуть Витька и, верно, испугавшись его пьяных размахиваний мгновенно разлетелись. Часть из них воткнулась своими серебристыми телами в фанерную перегородку, отделяющую кухню от комнаты. Часть ринувшись к окнам просочилась сквозь стекло, а третьи рванули вверх, и, шибанувшись в потолок, подбитый для теплоты фанерой внедрились хоть и в грязную, но довольно ровную поверхность, мигом погаснув, при этом ни издав, ни единого звука, что в целом было не очень похоже на насекомых, вечно исторгающих визжание, жужжание и попискивание.

Лишь только Витюха прогнал эту немую и назойливо-светящуюся мошкарку, как в мозгу опять заговорили те два голоса.

– Чую... чую я, он скоро сдохнет, – сказал пронзительный и негромко мекнул. – Вот вижу я его поганую смерть... вижу... поверь мне.

– Сдохнуть то он сдохнет, – протянул второй, тот, что был

более низким и бархатистым. – Такая гадость и сдохнет как гад... Сдохнет... Но прежде чем он сдохнет, мы с ним поселимся... Ох! и люблю я таких шлёнд наказывать... люблю им веселухе задавать, чтобы непременно смогли они прочувствовать, что натворили и как издевались над своими близкими.... Потому если он даже и сдохнет... то не сейчас... и не завтра, а тогда, когда я решу, что он тут третий лишний.... Свинья такая вонючая... ты чувствуешь, как от него кислятиной воняет?! словно он нахлобучил на себя никогда не стираный носок, и не просто на ногу его надел, а натянул на все тело, остановив процесс натаскивания рядом с шеей... Фу!... Вот же дрянь как воняет... Свинья!!! Свинья! Свинья! – внезапно громким басом запел второй голос, очень плавно выводя это слово и стараясь придать ему особый смысл, от которого перед глазами Витька на мгновение появилась серовато-розовая жирная свинья плюхнувшаяся своим упитанным задом прямо в зелено-коричневую, жидкую грязь.

Еще пару секунд голос тянул слово – свинья, а тот самый зад плюхнувшийся в грязь, стоял перед глазами алкоголика и пузырил зелено-коричневую жижу, а затем внезапно видение рассеялось, стих голос и громко ударил духовой оркестр. Точнее вначале раскатисто ударили в барабаны, потом звякнули медные литавры, и в тот же миг подключились к этому гулкому звону медные духовые трубы, альты, корнеты, тромбоны и чтой-то еще, они весело и звучно, торжественно и надменно заиграли какое-то оригинальное сочинение.

Трам...бам...бам... звучало в голове, и, прислушиваясь к музыке Витек вскоре разобрал, а разобрав припомнил, что это на самом деле играли марш... и похоже (если ему не изменяла память) знаменитый Триумфальный марш...

Еще немного в мозгах надрывно стучали барабаны, гремели литавры и трубы, а после неожиданно, все стихло, и как всегда это произошло столь молниеносно, что Витька вздрогнул всем телом от столь стремительного окончания марша...

Прошло несколько секунд, и второй голос негромко заметил:

– Ты, Витька, запомни либо сей же миг прекрати бухать... Выгони эту пьяную нечисть, что поселилась у тебя в доме... Возьмись за ум и вернись в лоно своей семьи, к своей родине... Либо...либо мы тебе покажем, где на самом деле раки зимуют!!!

Услышав это жуткое и прозвучавшее словно свист, сопровождающийся гулко-звонящим порывом ветра, предупреждение Виктор Сергеевич громко икнул, и в тот же миг закрыв глаза повалился с табурета, прямо на грязный линолеум, что устилал собою деревянный пол... Наверно он уснул, лишился сознания, памяти или как говорили правильно голоса – последних мозгов.

Глава третья

Однако Витька, как можно понять, не послушался предупреждения.

Он давно уже потерял свою совесть... любовь к семье и родне... все те прекрасные чувства, что живут в наших душах и зовутся: отзывчивостью, ответственностью, соперничеством, верностью, жертвенностью и несомненно любовью... Все это он уже давно растерял, похоронил и позабыл... осталось в его душе только выпивка, без каковой он не хотел и наверно уже увы! не мог жить... Именно эта горячительная, спиртосодержащая, мутная или прозрачная жидкость заполонила собою и всю его душу, и весь его мозг.

За эти несколько дней, как в мозгу его зазвучали голоса, Витюха практически не спал, а если и спал то лишь урывками. Ему удавалось уснуть всего на час–два не более в сутки, а появившаяся бессонница мучила и изводила его неумолкающими ни на миг разговорами внутри головы так, что от этой какофонии и не всегда хотелось пить ту самую «Жидкость» – гигиенический антисептик для рук. Она почему-то стала вызывать приступы тошноты, головокружение, обильное потоотделение и еще внезапно стали болеть очи, в них появилась острая режущая боль, словно изнутри кто-то тыкал иголочками в глазное яблоко.

Голоса в голове продолжали пугать, оскорблять и обыз-

вать всякими дрянными словами Витька. Иногда они прямо-таки издевались над хозяином дома, подзадоривая его подраться с другом, имя которого после нескольких дней употребления « Жидкости» и назойливых голосов окончательно выветрилось из памяти. Большей частью времени, в связи с невозможностью уснуть, Виктор подолгу сидел на табурете в кухне, облокотившись о стол, и слушал голоса. Затем он вдруг резко вскакивал с места и начинал бегать по комнате, частенько спотыкаясь об неудачно разложенный диван. Бывало так, что утомленный болтовней голосов, он начинал вступать с ними в передраги, и, замирая на середине комнаты, размахивал руками, кривил лицо и выкрикивал злобные ругательства в ответ. А потому неоднократно получал в нос или глаз от друга, не прекращающего поглощать запасы «Жидкости», да все выпады принимающего на свой счет, оный несмотря на беспробудное пьянство и болезнь был выше и крупнее хозяина дома. Он, яростно оберегая свою честь, всякий раз бил Витька крепко и больно, а тот вследствие затуманенного взора, не в силах ответить, падал плашмя на пол покрытый грязью, мочой и недавно выпрыгнувшей из него блевотиной.

Виктор подолгу там лежал, плюхая веками и приплюхиваясь к кисло-горькому запаху своего дома, который некогда пах сладостью женского тела Лары и воробьиным пухом волос Витасика. После каждого такого падения голоса в голове на чуток затихали, а маленько погода начинали громко хо-

хотать, наверно получая удовольствие и от унижения алкоголика, и от его жалкого свинячего облика.

Тот второй голос немного прогоготав, снова принимался протяжно напевать слова оскорбляющие достоинство того в ком жил и мешая эпитеты: свинья, гад, паразит и менее знакомые (но от этого не менее оскорбительные): шкандыба, баглай, шлэнда... приправлял их всякими противными прилагательными на вроде грязный, вонючий, уродливый. Он пел эти словосочетания своим красивым бархатистым басом, а опосля того к его речитативу подключался либо детский хор голосов, либо гремющий в литавры и колотящий в барабаны духовой оркестр. Этот оглушительный треск, это раскатистое, будто весенний гром, рокотанье звучало в голове значительное время, при этом особенно старались произвести, как можно больше шума, именно литавры очень часто ударяя медными тарелками невпопад поющему голосу, вроде лишь для того, чтобы создать гудящее состояние в измученном мозгу Витька.

Иногда оркестр, исполнив лишь первые аккорды марша, смолкал, а прочистивший кашлем горло голос... тот второй... обращаясь к Виктору молвил, таким ехидно-лилейным говорком:

– Ах, Витек, свиное ты рыло, облезлая сволочь... Прекрати бухать... гони этих тварей из дома. Ты чего дурилка картонная не понял, что ли??? Ты допился... до предела... до края... до последней грани... Ты думаешь, мы просто так

у тебя в башке объявились? Нет... вонючая ты шлёрда... Мы пришли потому как ты, пакость такая, допился до тех самых... ха...ха...ха, — громко засмеявшись и поддерживая смех барабанным боем тра...та...та...та, дополнял голос, — ты допился до тех самых чертиков, как именуют нас людишечки, живущие рядом с тобой... И теперь, мы — эти самые чертики... ха...ха...ха... пришли... пришли к тебе... И теперь, ты пес облезлый, будешь иметь дело с нами... с нами братьями — некошными.

Голоса пели, издевались, обзывались... они то орали... то начинали шептать, понижая тембр голоса так, что слышался лишь тихий, похожий на шелест листвы, шепот. А несчастный Витек, стараясь расслышать их, напрягал свое тело, слух, впиваясь пальцами рук в край стола и чувствовал, как дрожит его кожа, покрываясь огромными пупырышками. Чувствовал как глухо... глухо стучит его сердце, и надрывно с присвистом дышат легкие. Большие капли пота стекали с его лба и покрывали своей сыростью опухшее от пьянства лицо, а потом Виктор, сам не понимая почему, начинал громко рыдать или смеяться, стараясь перекрыть этим воем поселившихся в голове некошных... все... все, чтобы прогнать эти назойливые голоса.

Утомленный творящимся в его мозгу беспределом, он вскакивал со своего табурета и прогонял сожительницу и друга из дома, надеясь, что как только те покинут дом, некошные заткнутся...

И если друган и Натаха, в конце концов, надавав Витьку затрещин по лохматой шевелюре прикрывающей голову, убрались из дома, то голоса и не подумали его покинуть и даже не пожелали затихнуть.

Они продолжали производить в мозгу тихое шептание, громкие, издевательские диалоги и песни, иногда приправляя все это ударами барабана или звоном медных литавр. И до того измучили своей болтовней того, в ком обитали, что он Витюха хоть и не желал пить, все же опорожнил остатки «Жидкости». И выскакивая из кухни в сенцы, шибанулся об притолку двери головой да повалившись на пол толи уснул, толи вновь потерял сознание... в общем на время забылся.

Когда Витек пробудился, и, открыл глаза, он обнаружил себя лежащим на деревянном полу сенцов. Холодный ветерок, выбиваясь из щелей пола, проникал в сенцы, через плохо прикрытую входную дверь, кружил над ним и даже обнимал. Его ледяное дыхание пробиралось сквозь рвань одежды, покрывающую кожу и морозило все части тела, заставляя тяжело и судорожно вздрагивать конечностями. А еще Виктор почувствовал своим, замершим или отдышавшимся в тишине, мозгом какую-то надвигающуюся беду похожую на серо-бурую грозовую тучу, несущую в себе молнии, дождь и град... словом непогоду... Отсутствие некошных в голове создало непреодолимое состояние ужаса и страха в его душе (если она конечно у него была).

Какое-то время он продолжал лежать на полу страшась

обратить на себя внимание голосов и пугаясь надвигающейся беды. Одинокое висевшая в сенцах лампочка, освещала комнату тускло-мутноватым светом, и полумрак витающий в углах, около закрытых дверей, ведущих в кухню и на двор, около замершего, робеющего при виде хозяина холодильника, вызывали тревогу. И казалось Витьку, трясущемуся от холода и пьянства, что вокруг него витает не холодный ветер, ворвавшийся через плохо утепленные стены и щели в полу, а кружит здесь страшное, прозрачное чудовище. С двумя огромными крылами и длинным хвостом, которое лижет его лицо, волосы и даже грязный свитер своим невидимым языком, словно принюхиваясь и верно собираясь вскоре сглотнуть его целиком.

Страшась своих собственных мыслей и ощущений, Витек решил все же подняться. Вначале, подогнув ноги в коленях, он уселся на полу. И в тот же миг ощутил в животе тягучую боль, вечно голодного желудка, а перед глазами мгновенно появилось черное облако, в котором как в предгрозовой туче замелькали яркие удлинённые, серебристые вспышки молний. Серебристые стрелы били не только вертикально вниз, но и норовили ударить Витюху в глаз или в нос, при этом каждый раз, когда им удавалось достичь живого тела, они выбрасывали на месте соприкосновения тысячи мельчайших огненных капель...

Помотав головой и прогнав от себя и огненные капли, и серебристые молнии, и черное облако, Виктор Сергеевич

принялся подниматься на ноги. Тяжело кряхтя и раскачиваясь из стороны в сторону, придерживаясь за дверь, под оной он и отдыхал, Витек встал и начал шарить рукой по деревянному ее полотну в поисках ручки. Немного погодя ему удалось нащупать дверную ручку в форме сферы, у которой когда-то был язычок-защелка, фиксировавший дверь вплотную к дверной коробке, но от частого использования (открывания и закрывания) язычок переломился надвое и теперь более не смыкал плотно дверь, а ручка, как таковая, перестав выполнять функции поворотной, служила нынче лишь для поддержки и рывка. Наткнувшись на эту ручку, хозяин дома крепко схватился за нее, покачнулся назад и вместе с этим качанием также резко открыл дверь на себя. Пронзительно закрипев петлями дверь отворилась и Витек переступив через порог вошел в кухню, где несмотря на грязь, беспорядок и вонь, царило утро... Оно пробивалось сквозь немытые окна, сквозь желтые газеты и вносило с собой свет в этот гадливый и провонявший мочей, блевотиной и грязью дом.

Перехватившись рукой, Витька дернул за внутреннюю ручку, дверь на себя, и шагнул вперед. Дверь же, словно послушное и забитое дитя у худых родителей, тотчас закрылась. А беспутный хозяин уже делал коротюсенькие, неуверенные шажочки стремясь как можно скорее подойти к столу и опереться на него, да упасть сверху на массивный табурет, что стоял недалеко... не в силах удерживать прямо стоячее положение тела.

Шаг... еще шаг... громкий ик, голодного и бурчащего желудка... и вот уже трясущиеся пальцы ухватились за край стола, и, придерживая раскачивающийся стан, с трудом усадили зад на табурет, который с таким же трудом обнаружили под собой.

Витюха опустился на табурет, и крепко держась за стол, обвел мутным взглядом кухню, с трудом концентрируясь на грязной, давно лакированной и уже обильно покрытой пятнами и щедринками поверхности стола.

– Фу, – с трудом исторг он из себя, и вновь громко икнул так, что в желудке, чегой-то подпрыгнуло и тяжело булькнувшись обратно, отдалось острой болью вначале в правом боку, затем в левом.

От острой боли, из глаз Виктора в разные стороны прыснули слезы да такие обильные, похожие на струи фонтана в каковые только, что подали приличный напор воды. Мешая слезы и вытекающие из носа сопли, Витек освободил левую руку, крепко сжимающую край стола и принялся ладонью утирать новые и новые потоки жалости к себе, а после не выдержав таких страданий уткнулся лбом в стол и громко зарыдал, при этом стоящая на середине стола закопченная кастрюля, полная остатков шелухи, принялась тихонько подпевать своему хозяину выводя, что-то близкое к звуку звян... звян...

« Несчастный... какой же я несчастный, – приговаривал Виктор, и высунув изо рта язык загибая его вверх начал сли-

зывать им текущие из носа сопли, ударяясь лбом о деревянную поверхность стола, продолжительно хрюкая, и сотрясаясь всем телом. — Что же я такой несчастный, никому не нужный... Вот... вот чую я... что-то со мной случится... беда какая... а я... я никому не нужен... Где ж справедливость... где ж... эти... как их зовут...»

Но название тех о ком он подумал, Витька не стал озвучивать, а потому было не понятно то ли вспоминал он близких, то ли некошных... Одно было точно, и это он — Виктор Сергеевич понимал, что если с ним и случится беда то в этом будут повинны те самые некошные, а он такой несчастный страдалец и мученик обиженный, обездоленный судьбой и жизнью будет в их руках безропотной игрушкой... От этих тяжелых и столь умных мыслей хозяину дома вдруг так захотелось выпить... выпить... горячительной, опустошающей и иссушающей душу и плоть водки... и непременно водочки. Ни «Жидкости», ни боярышника, что раньше продавали в аптеках, ни сивухи... а именно водочки... водочки...

Так, что несчастный хозяин дома заплямкал размякшими от слез, соплей и слюней губами и в тот же миг прекратил рыдать, будто он уже глотал эту прозрачную, холодненькую, горьковато-бодрящую жидкость.

Еще чуть-чуть он плямкал и плямкал губами, а потом оторвал лоб от стола и выпрямив спину, утер левой ладонью лицо от сырости да внезапно понял, что водочка... водочка такая прозрачная, холодненькая, горьковато-бодрящая это из

прошлой жизни... из той где были Ларка, Виталька, мать, отец, брат... где был завод и наваристый, сдобренный свеклой и помидорками красный... красный борщ.

– Эх, – вымолвил Витек, и, шмыгнув носом, провел рукавом свитера по лицу, чтобы окончательно его просушить. – Борщичка бы сейчас... и такого... такого, чтобы непременно там кусочки мяса были... и хорошо бы свининки... А пить... пить... так... я что ж... пить я больше не буду... Наверное...

Он замолчал и прислушался к себе... или если быть более точным притаился... Вот...вот... Виктор притаился, стараясь разобрать слышали его решение те два некошных, что жили в его голове... в самих мозгах и требовали бросить пить... страшая его всякими неприятностями. А некошные молчали... они тоже затаились или покинули этого алкоголика, а быть может... что скорее всего, они уже все решили и для себя, и для него... притаившегося... прислушивающегося к шорохам в собственных мозгах Виктора Сергеевича.

– Да... пить не буду, – окончательно резюмировал Витка, и немного склонив на бок голову, добавил, – эту самую «Жидкость» больше не буду пить никогда! – и порадовался тому, что некошные никак не отреагировали на его окончательное решение.

И так как голоса в голове больше не доставали его, и, радуясь тому, что так легко от них отвязался, Витек решил попить водички. Потому как водочки не было, а плямканье губ

вызвало дикое желание хлебнуть хоть чегой-то, он поднялся с табурета, и, придерживаясь правой рукой за стол, чтобы ноги устойчивее переставлялись, да шаркая старыми ботинками по линолеуму, двинулся к ведру с водой, стоявшему на печи.

Неспешно переступая ногами, и издавая при этом хрясь... хрясь... оно как тянуть их приходилось по остаткам опилок, кусочков угля и всякого мелкого мусора, цепляясь правой рукой за стол, Витюха приблизился к печи. И протянув навстречу к ней левую руку, молниеносно перехватился, при этом оставив наконец-то в покое стол. Он оперся ладонью об облупленный край печи, откуда тихо зашуршав, в ту же секунду, посыпалось крошево глины, а потом с угла и вовсе отвалился целый пласт, оголив красный бок кирпича, и пошел к оцинкованному ведру, стоявшему на крайней конфорке. Витек прижался корпусом тела к давно не топленной печи и некоторое время стоял там покачиваясь из стороны в сторону, не очень то понимая почему его так мотыляет, ведь он не пил и трезв как... как... словом трезв он!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.